

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОЙ ИМИТАЦИИ КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА СОСТОЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Т. П. МЕЛЬНИКОВА¹⁾

¹⁾Институт национальной безопасности Республики Беларусь,
ул. Зм. Бядули, 2, 220032, г. Минск, Беларусь

Раскрывается сущность феномена социальной имитации, конкретизируется понятие «социальная имитация» с учетом социально-позитивных и социально-негативных аспектов феномена и моделей включенности индивидов в процесс социальных трансформаций. Рассматриваются виды, формы и методы социальной имитации, отдельное внимание уделяется сущности и деструктивным проявлениям имитации-симуляции (симулякр), причинам возникновения и негативным последствиям распространенности симулятивных социальных практик в контексте их влияния на состояние национальной безопасности, а также направлениям научной проработки данной проблемы в рамках социальной психологии и политической социологии.

Ключевые слова: модели социального участия; социальная имитация; имитация-симуляция; симулякр; симулятивные социальные практики и национальная безопасность.

THE SOCIAL IMITATION PHENOMEN AS A FACTOR AFFECTING THE STATE OF NATIONAL SECURITY

T. P. MELNIKOVA^a

^aNational Security Institute of the Republic of Belarus,
2 Zm. Biaduli Street, Minsk 220032, Belarus

The article reveals the essence of the phenomenon of social imitation, a concrete notion of «social imitation» taking into account the socio-positive and socio-negative aspects of the phenomenon and models for inclusion of individuals in the process of social transformation; examine the types, forms and methods of social simulation, special attention is paid to the essence and destructive manifestations of simulation-simulation (simulacrum), the causes and negative consequences of the prevalence of simulation of social practices in the context of their impact on state security, as well as areas of scientific study of this problem in the framework of social psychology and political sociology.

Keywords: social participation models; social simulation; simulation-simulation; simulacrum; simulated social practices; national security.

Введение

Современные реалии характеризуются интенсивными и динамичными трансформациями во-
енно-политической и социально-экономической

архитектуры мироустройства, кардинальными из-
менениями во всех сферах общественных отно-
шений. Национальная безопасность и реализация

Образец цитирования:

Мельникова Т.П. Феномен социальной имитации как фактор, влияющий на состояние национальной безопасности. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2020;1:53–59.

For citation:

Melnikova T.P. The social imitation phenomenon as a factor affecting the state of national security. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2020;1:53–59. Russian.

Автор:

Татьяна Петровна Мельникова – кандидат психологических наук, доцент; профессор специальной кафедры.

Author:

Tatiana P. Melnikova, PhD (psychology); professor at the special department.
melnik0v4.t@yandex.by

национальных интересов государств напрямую зависят от наличия концептуальных ценностных ориентиров и стратегий долгосрочного развития, обеспеченных соответствующими человеческими ресурсами [1]. При этом для стран, объективно ограниченных в выборе иных конкурентных преимуществ, именно роль человеческого потенциала и эффективных социальных практик приобретает особое значение. К числу таких стран на данном историческом этапе относится и Республика Беларусь.

Известный российский философ, культуролог и социолог Ю. М. Резник обосновал в своих работах существование двух моделей причастности индивида к реализации социальных трансформаций, изменений в жизни общества и человека: первая модель (по сути, формальная) – *социальное участие* – реализуется, когда человек включается в социальные преобразования небескорыстно, с расчетом на получение тех или иных социальных выгод и гарантий собственной безопасности; вторая модель (неформальная) – *социальное служение* – реализуется, когда воспроизводящий ее человек ориентирован на общее благо и стремится воплотить в жизнь инновационные социальные перспективы, актуализируя свой личностный потенциал и способствуя актуализации потенциала других членов общества. Ю. М. Резник отмечает, что обе эти модели воплотимы в жизнь только тогда, когда человек относится к делам общества точно так же, как к своим собственным. Он также подчеркивает, что современный человек имеет возможность выбрать наиболее предпочтительную для себя модель личностной включенности в процесс разворачивающихся социальных изменений [2].

Конструктивный характер и позитивный эффект модели *социального служения* не вызывают сомнений в случае, если оно направлено на реализацию позитивных социальных тенденций и именно на

общее благо, а не на исключительное благо отдельных групп (в противном случае речь может идти о деформации модели служения в сторону деструктивного фанатизма). Вызывает настороженность вариант реализации данной модели, описываемый в народе метким, но ненаучным определением «инициативный дурак», когда мотивация служения и жажда позитивных изменений в совокупности с личностными амбициями побуждают человека к деятельности, не соответствующей его интеллектуальным способностям и иным объективным ресурсам. Проблема усугубляется и тем, что сам индивид может не осознавать реальных границ своих компетенций; немалый класс такого рода ситуаций хорошо описывается известным в социальной психологии законом Даннинга – Крюгера об иллюзии сверхкомпетентности у начинающих специалистов и молодых руководителей.

Ресурсность модели *социального участия* в процессе социальных трансформаций, на наш взгляд, еще более неоднозначна и также нуждается в уточнении. Кроме того, очевидно, что какая-то часть общества всегда пожелает остаться в стороне от происходящих изменений и не включаться в соответствующую социальную активность, насколько это возможно в реальном обществе (тогда речь идет о некой третьей модели *социального присутствия*, которую можно условно описать формулой «меня это не касается, мне это не интересно»), а иногда и явно отвергать нежелательные трансформации или даже им противодействовать, т. е. не выберет ни одну из указанных Ю. М. Резником моделей.

В настоящей статье предпринята попытка частично раскрыть указанные неоднозначности существующих моделей в контексте их влияния на национальную безопасность через феномен *социальной имитации*.

Теоретические основы

В общеупотребительном смысле *имитация* – подделка, копия какого-либо реального предмета, процесса, события. В словаре С. И. Ожегова термин *имитировать* означает «воспроизводить с возможной точностью, подражать кому или чему-нибудь» [3, с. 213]. Соответственно, *социальная имитация*, по сути, есть копирование, подражание, воспроизведение тех или иных моделей поведения и социальных отношений. Вместе с тем в прикладном аспекте проблем социальной и политической психологии, политической социологии, культурологии и иных смежных наук представляет интерес не столько «точность имитации», сколько смысл, цель, мотивация и эффект соответствующей имитационной активности.

Социальная имитация представляет собой феномен, встроенный во всякую реально существующую систему общественных отношений, как

неотъемлемая подсистема культуры любого общества. В своем повседневном существовании люди часто имитируют социальные роли, участвуя в межличностном взаимодействии как непосредственно (З. Т. Голенкова), так и опосредованно, с помощью интернета (Е. А. Сайкин) или средств массовой информации. Данный феномен проник практически во все значимые сферы жизни человека и общества, укрепился в них (В. П. Бабинцев, Ю. Г. Волков, Е. В. Красавина, Ж. Т. Тощенко, Б. С. Шалютин, В. В. Шалин, Е. Н. Ивахненко, С. Г. Кара-Мурза, М. Н. Леонтьев, З. Г. Оскотский, Ю. И. Исакова, М. Ю. Алексеев, С. А. Денисов, М. В. Зимин, В. А. Виняр и др.). Примерами таких сфер являются политика и экономика, государственное управление и администрирование, наука и философия, образование и религия, повседневное существование людей, их социальная идентичность и непо-

средственное социально-ролевое взаимодействие [4–6].

В сферах прикладного, технологического знания имитация, в том числе социальная, используется как способ моделирования определенных процессов и систем, т. е. выступает как *метод познания*. В социогуманитарной сфере социальная имитация может рассматриваться, во-первых, как *метод социализации* человека через научение в процессе освоения паттернов поведения и деятельности по принципу «делай, как я»; во-вторых, как *метод адаптации*, когда транслируемые извне идеалы, ценности и способы поведения не отвечают внутренним убеждениям индивида, и он вынужден прибегать к имитации надлежащих форм поведения и деятельности в целях безопасности, самосохранения и реализации личных интересов.

В контексте различных направлений индивидуальной активности и конкретных социальных практик социальная имитация может иметь как созидательный, так и разрушительный характер. Различают два основных вида социальной имитации: *имитация-подражание* и *имитация-симуляция* (симулякр).

Понятие *имитации-подражания* используется в социологии и социальной психологии прежде всего в рамках функционализма (Э. Дюркгейм) и наделяется вполне позитивным и конструктивным смыслом как основной механизм социализации, освоения и глубинной интериоризации индивидом норм и ценностей сообщества. Налагая на поведение индивида клише типовых социальных ролей, сообщество побуждает его посредством подражания научиться соответствию ролевым требованиям и тем самым постепенно вводит его в социальную среду – социализирует. *Имитация-подражание* рассматривается также как основной механизм, обеспечивающий усвоение и воспроизведение индивидом элементов социальной культуры, необходимых для самосохранения системы (Т. Парсонс). Такое воспроизводство ценностных образцов, принятых на уровне *социального консенсуса*, является системообразующим и стабилизирующим процессом в обществе, определяющим структуру, качество и содержание общественной жизни. Индивид, перенимая через подражание ценностные ориентации, являющиеся базовыми для *коллективной легитимации* социальной системы и закрепленные в соответствующих сакральных символах национальной культуры, способен к оптимальному ролевому функционированию внутри данной системы [7; 8]. И в этом смысле *имитация-подражание* как

социальная практика обладает позитивным и конструктивным ресурсом социальных изменений, реализуясь как в модели *социального служения*, так и в модели *социального участия*, и даже в модели пассивного *социального присутствия*.

В свою очередь, *имитация-симуляция* часто практикуется как механизм социальной адаптации в ситуациях общей девальвации базовых ценностных установок общества, когда воспроизводство в поведении усвоенных в ходе социализации нормативных образцов поведения, по сути, уже не является необходимым условием успешного социального развития. Однако в силу культурной инерции оно сохраняется как внешнее ритуальное оформление повседневных социальных практик. В этом случае социальная имитация выступает в качестве условной ролевой игры, когда успех и общественное признание зависят уже не от реальных результатов деятельности, а от того, насколько субъекту, формально исполняющему социальные и/или профессиональные роли (и понимая при этом функциональную бесполезность соответствующих социальных ритуалов), удастся войти в роль и абстрагироваться от истинных индивидуальных ценностей и предпочтений, а также от глубинных сакрально-символических ценностей социума. В социологии для обозначения такого рода социальной активности существует понятие *симулякр*, которое трактуется как виртуальная инстанция, *пустой знак*, отделившийся от обозначаемого смысла, *копия копий*, лишь формально воспроизводящая оригинал (Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида, Ж. Делез, И. Гоффман и др.) [9]. Данный вид социальной имитации можно определить как процесс симулятивной деятельности, создание замещающих или воображаемых социальных конструктов, критерием которых выступает эффектность, но не эффективность с точки зрения полезности для общественного развития (Ю. Г. Волков, В. А. Евдокимов) [4; 10]. Примерами соответствующих социальных практик-симулякров могут быть оценки результативности деятельности не по факту и качеству решения реальных задач и проблем, а по всевозможным рейтингам, многочисленным отчетам, количеству проведенных мероприятий, реорганизаций, организационно-штатных изменений и т. п. Глобальная цифровизация и виртуализация социальных процессов, массовое внедрение информационных технологий во все сферы жизни современного общества создают дополнительные возможности для все более активного распространения имитаций-симулякров в социальных практиках.

Результаты и обсуждение

Таким образом, социальная имитация может рассматриваться: 1) как воспроизводство формы и содержания ролевого поведения в относительном единстве со смысловым содержанием деятель-

ности (*имитация-подражание*); 2) как воспроизводство ролевой формы, отчужденной от содержания (*имитация-симулякр*). Второе значение позволяет выделить особую форму симулятивного поведе-

ния – своего рода социальную мимику, практикуемую в целях адаптации к ролевым требованиям и нормам, которые воспринимаются акторами как чисто внешние, дистанцированные от их личности, однако выполнение этих требований необходимо им для достижения и сохранения общей социальной успешности и иных личных выгод. Это делает психологически оправданным расхождение эгоистических целей индивида и коллективных целей системы, когда актер считает вполне возможным действовать, игнорируя цели общества или даже в ущерб им [6].

Отмечено существование прямой связи между обилием кризисных явлений в современном мире и тем, что многие сферы общественной жизни перенасыщены имитационностью (И. А. Вальдман). При этом и социальные кризисы, и связанные с ними конфликты сами нередко становятся объектами имитации. Как социальные институты, так и отдельные личности, выступающие в роли субъектов социально-имитационных практик, зачастую ориентированы на манипулирование сознанием людей. Например, те или иные социальные акторы могут целенаправленно конструировать и внедрять в массовое сознание образ врага или злободневной проблемы, в результате чего люди вступают в воображаемую (виртуальную) борьбу, затрачивая на это свои силы и время, отвлекаясь от реальных проблем. Внедряющиеся в общественное и индивидуальное сознание симулятивные образы постепенно вытесняют базовые образы и модели, содержание которых соответствует подлинному положению вещей, что, в свою очередь, обеспечивает повышение манипулятивной эффективности социально-имитационных практик [7].

Среди средств социальной имитации наиболее распространены следующие:

1) *демагогия*, которая проявляется в бездоказательных и безответственных утверждениях, умышленном искажении сути процессов или подмене их сущности суррогатами-симулякрами для достижения политических целей и личных выгод;

2) *провокация*, используемая для дискредитации противостоящих лиц/систем, для привлечения внимания к должностным лицам и политическим силам, теряющим авторитет и влияние, но желающим реабилитироваться, возвыситься, получить возможных сторонников, иные преимущества в политической борьбе; специфические приемы: скандалы, заговоры, имитация нарушений, покушений и других действий, которые могут привести к компрометации, дестабилизации, маргинализации, радикализации, иным негативным последствиям;

3) *фальсификация*, которая проявляется в преднамеренном искажении информации, сущности происходящих в обществе процессов и событий для оправдания политических целей и личных/групповых выгод (фальсификация истории и др.), а также в псевдоактивности «для галочки» в целях

демонстрации лояльности, компетентности, заинтересованности, мотивированности и т. п.;

4) *плагиат*, сущность которого заключается в имитации авторства и ситуационно выгодной идентичности, клонировании и компиляции текстов, приписывании себе чужих заслуг и результатов социально полезной деятельности;

5) *профанация*, проявляющаяся как непочтительное отношение к достойным и достойному, опозорение и дискредитация идей, событий или процессов (профанация воинских подвигов, научных достижений, трудовых заслуг и т. п.), извращение, сознательное искажение идей, в том числе скандальное подражание без учета этнической и ситуационной специфики, национального менталитета;

6) *манипуляция*, связанная с попытками отвлечь население, конкретных лиц/групп от насущных проблем мнимо важными и мнимо неотложными делами; проявляется в замене реальных дел показательными мероприятиями, направлении общественного внимания на вопросы, которые не решают проблем сообщества;

7) *иллюзия*, которая строится на несбыточных социальных чаяниях, надеждах общества (иллюзия направленности реформ на улучшение жизни определенных групп или слоев населения и т. п.), что в политической жизни олицетворяют многочисленные обещания и прогнозы, мало чем подкрепленные и отвлекающие людей от повседневных забот;

8) *перформанс*, чаще проявляющийся как личностный вариант имитации, когда индивид, стремясь соответствовать критериям социальных ожиданий и выглядеть лучше, чем есть на самом деле, сознательно конструирует представление о себе с целью отвлечь или поразить аудиторию, заслужить признание, добиться успеха, иных личных выгод [5; 11].

Среди причин, порождающих социальную имитацию, часто называют желание политических и экономических сил сохранить и удержать власть и контроль, обеспечить свое влияние на общественную жизнь при отсутствии четких целей, стратегии развития и морального авторитета, при низком уровне обратной связи с различными слоями населения и др. Распространенность в обществе социальной имитации способствует росту коррупции, неверия в социальную справедливость и недоверия к правящим элитам, социальной апатии и аномии, росту социальной неудовлетворенности при иллюзии стабильности, архаизации общества на фоне модернизирующихся соседей, проявлениям вассального подчинения в социальных отношениях, размыванию границ между добром и злом, нравственным и безнравственным, распространению массовой псевдокультуры, духовной опустошенности, отстраненно-ироничному или равнодушно-циничному восприятию действительности, душев-

ной отчужденности в повседневных отношениях, потребительском отношении к духовной культуре и социуму.

В опубликованных исследованиях в качестве одной из главных причин возникновения имитационных феноменов указывается реализация стратегий социального развития, игнорирующих национальные и социокультурные особенности модернизирующихся сообществ. Отмечается, что волюнтаристский тип управления в модернизирующемся обществе, игнорирующий зависимость развития от исходных условий и ставящий цели, превышающие реальные возможности управляемой системы, порождает многочисленные имитации-симуляции практически во всех сферах (в политике, экономике, образовании, СМИ и др.). При этом социальная имитация выступает как *средство адаптации* к явно завышенным требованиям и утопическим целям развития системы, а расхождение ценностей и идеалов, официально декларируемых и характерных для повседневной жизни общества, приводит к разделению жизни людей на внешнюю, открытую для посторонних (демонстрация-имитация лояльности к системе, карьерный рост, получение наград, званий, почестей и т. п.), и скрытую, предназначенную только для своего круга (рост неудовлетворенности, недоверия, циничного и потребительского отношения к системе, интерес к неофициальным информационным каналам, альтернативным системам и т. п.). Данное явление, в свою очередь, получило название *имитационная личность* [9; 12; 13].

Наиболее общим признаком *имитационной личности* выступает ее идентификация с группой лиц, придерживающихся подобных или схожих имитационных практик (например, попав в группу профессионалов, избегающих симулятивной активности, такая личность сначала будет пытаться использовать привычные для нее симулятивные модели поведения, а не добившись успеха, станет искать поддержки и признания у других групп или лиц, признающих и успешно реализующих имитационные практики) [12]. Имитационная активность проявляется в широком использовании казуистики, декларативности или демонстрации преданности, при том что человек говорит то, что от него хотят услышать, а не то, что думает на самом деле. Карьеристы, бюрократы, формалисты, волюнтаристы, демагоги и другие «любители» неконструктивных форм социальной имитации симулируют активность ради дела, но используют дело в личных целях. Такие формы социальной имитации представляют особую опасность для сохранения и развития всякой общности как целостности, способствуют отклонению развития общественных отношений от нравственных ориентиров, идеалов, принципов и норм, зачастую являясь вестниками предкризисных ситуаций, поэтому могут рассма-

триваться как формы *социальной деформации*. Они, по сути, содействуют торможению общественного прогресса, нейтрализации истинных социальных инноваций и с этой точки зрения представляют собой один из вариантов проявления *социальной инерции* [14–16].

Очевидно, что *имитация-симулякр* как форма симулятивной активности имитационной личности зачастую реализуется в упомянутой выше модели *социального участия*, когда индивид включается в соответствующую социально значимую деятельность и участвует в процессе социальных трансформаций (позитивный аспект реализации модели), но лишь до тех пор, пока видит в этом личную выгоду; ущемлять свои интересы ради интересов сообщества либо участвовать в деятельности системы, не приносящей личных выгод, он не станет, более того, с большой вероятностью будет искать выгоды, включаясь в деятельность альтернативных сообществ и иных систем (негативный аспект реализации модели). Иными словами, модель социального участия, помимо позитивного ресурса для реализации социальных трансформаций, обладает негативным ресурсом потенциального предательства интересов сообщества и трансформирующейся системы в целом. Причем размытость нравственных ценностей, ослабление способности к критическому мышлению и наличие соответствующей личностной мотивации делает этот негативный ресурс даже более выраженным, чем в модели *нейтрального социального присутствия*.

Как отмечает В. А. Евдокимов, индивиды и сообщества, зараженные «вирусом» имитационно-симулятивных практик, становятся легко управляемыми, поскольку утрачивают способность и желание глубоко анализировать окружающую действительность, проверять достоверность информации и объективно ее интерпретировать, сопоставлять различные мнения, устанавливать причинно-следственные связи событий, осознавать противоречивый характер общественных процессов [4, с. 71]. При этом они все глубже вовлекаются в существование, близкое к механическому потреблению, в рамках которого их природные способности и потребности искажаются, а массовая культура в ее наиболее примитивных вариантах начинает восприниматься как единственно приемлемая. Их подверженность деструктивному внешнему информационному влиянию резко усиливается, также растет позитивное принятие имитационно-симулятивных практик и готовность участвовать в их реализации. Вместе с тем обычно это не мешает (а часто и помогает) людям, сжившимся с представлениями такого рода, быть в целом социально успешными и хорошо ориентироваться в доступных им фрагментах социокультурного пространства [7], что может достаточно длительное время создавать иллюзию стабильности и благополучия

в обществе, постепенно размывая его устои и истинные ценности, ослабляя человеческий потенциал и социальные скрепы государства. Соответствующие деструктивные процессы носят латентный характер, постепенно и неуклонно снижая качество человеческих ресурсов государства, что при отсутствии адекватной системы социологического

мониторинга и эффективного управления формирующимися рисками и угрозами может привести к серьезным деформациям во многих сферах жизни общества (политической, экономической, информационной, научной, образовательной и др.), негативно сказываясь на состоянии национальной безопасности в целом.

Заключение

Изложенное позволяет сделать ряд выводов:

1. И модель социального служения, и модель социального участия индивидов (по Резнику) в процессах инновационного развития и социальных трансформаций в модернизирующемся государстве обладают не только позитивным ресурсом, но определенным негативным потенциалом, который актуализируется в случае поощрения элитами и широкого распространения в обществе имитационно-симулятивных социальных практик. Реализация неконструктивных вариантов поведения в рамках указанных моделей может привести к более негативным социальным последствиям, чем использование модели пассивного социального присутствия.

2. В силу внешней убедительности, а нередко и определенной социальной желательности имитационно-симулятивных социальных практик и моделей поведения (в том числе из-за сопутствующих вторичных выгод для их объектов) соответствующие процессы в обществе, негативно влияющие на состояние национальной безопасности модернизирующегося государства, носят зачастую скрытый характер протекания и потому особенно опасны.

3. Распространенность социальной имитации в современном обществе требует внесения коррективов в социально-психологическую и социо-

логическую трактовку сущности и содержания общественного сознания и поведения, поскольку используемые индикаторы могут не фиксировать реальность и не отражать объективно происходящие процессы, не раскрывать истинный характер изучаемых мнений, отношений и видов деятельности. Соответственно, уровень понимания глубинных, латентных причин происходящего в мире и обществе, степень раскрытия механизмов изменений, логики действий основных политических сил и социальных институтов серьезно ограничиваются устаревшим аппаратом познания. Все это требует существенной корректировки представлений об индикаторах и показателях, при помощи которых мы измеряем общественное сознание и оцениваем эффективность любой деятельности.

4. С учетом изложенного для современной социальной психологии и политической социологии актуальной является задача концептуализации понятия *социальная имитация* с перспективой его дальнейшей социологической операционализации. В прикладном аспекте важное значение имеет диагностика различных видов, форм и способов социальной имитации, выявление причин их возникновения и существования в различных социальных группах, мониторинг их последствий в разных сферах и эффективности мер воздействия.

Библиографические ссылки

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь : Указ Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575. Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь [Интернет]. 2010 [протитировано 3 марта 2020 г.]. Доступно по: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31000575>.
2. Резник ЮМ. Человек и его социальные практики. В: Киселева МС, редактор. *Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования*. Выпуск 2. Москва: ИФ РАН; 2008. с. 84–102.
3. Ожегов СИ. Имитация. В: Шведова НЮ, редактор. *Словарь русского языка*. Москва: Русский язык. 1986. 797 с.
4. Евдокимов ВА. Инновации в политике: эффект имитации и имитация эффекта. *Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность*. 2014;5:70–73.
5. Тощенко ЖТ. Новые лики деятельности: имитация. *Социологические исследования*. 2012;12:23–36.
6. Шалин ВВ. Имитация жизни – апокалипсис XXI века или новый социальный порядок. В: Шалин ВВ, редактор. *Имитация как принцип интолерантного поведения*. Краснодар: КубГАУ; 2013. с. 5–13.
7. Закирова ТВ. Социокультурные функции социальной имитации. *Теория и практика общественного развития*. 2015;12:353–356.
8. Красавина ЕВ. Формы социальной адаптации: имитация-подражание и имитация-симулякр. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2012;4:93–103.
9. Мухамеджанова НМ. Социальная имитация: сущность и предпосылки возникновения. *Манускрипт*. 2019;12(10):171–174. DOI: 1030853/manuscript.2019.10.33.
10. Волков ЮГ. *Креативность: творчество против имитации*. Москва: Альфа-М; 2013. 432 с.
11. Платов ВЯ. *Демагогия – в помощь руководителю. 120 демагогических приемов: идентификация, противодействие, использование*. Полиевктова ЕВ, редактор. Москва: Экономика; 2014. 175 с.
12. Волков ЮГ. *Имитационная личность в контексте социального*. Ростов-на-Дону: Антей; 2012. 31 с.

13. Закирова ТВ. *Социальная имитация как феномен современной культуры* [диссертация]. Челябинск: Челябинский государственный университет; 2015. 19 с.
14. Левыкин ИТ. Социальная деформация. В: Соколова ГН, редактор; Елсуков АН, Шульга КВ, составители. *Социологический словарь*. Минск: Университетское; 1991. С. 223.
15. Писаренко ИЯ, Титаренко ЛГ. Социальная инерция. В: Соколова ГН, редактор; Елсуков АН, Шульга КВ, составители. *Социологический словарь*. Минск: Университетское; 1991. с. 226–229.
16. Шавель СА. Социальная активность. В: Соколова ГН, редактор; Елсуков АН, Шульга КВ, составители. *Социологический словарь*. Минск: Университетское; 1991. с. 220–221.

References

1. On approval of the national security Concept of the Republic of Belarus: Decree of the President of the Republic of Belarus No. 575 of November 9. *National legal Internet-portal of the Republic of Belarus* [Internet]. 2010 [cited 2020 March 3]. Available from: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31000575>. Russian.
2. Reznik YuM. [Man and his social practices]. Kisileva MS, editor. *Chelovek vchera i segodnya: mezhdistsiplinarnye issledovaniya. Vypusk 2* [Man yesterday and today: interdisciplinary research. Volume 2]. Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; 2008. p. 84–102. Russian.
3. Ozhegov SI. [Simulation]. In: Shvedova NYu, editor. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkii yazyk; 1986. 797 p. Russian.
4. Evdokimov VA. Innovations in politics: the effect of imitation and imitation of the effect. *Omskii nauchnyi vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. 2014;5:70–73. Russian.
5. Toshchenko ZhT. [New faces of activity: imitation]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2012;12:23–36. Russian.
6. Shalin VV. [Imitation of life – the Apocalypse of the XXI century or the new social order]. In: Shalin VV, editor. *Imitatsiya kak printsip intolerantnogo povedeniya* [Imitation as a principle of intolerant behavior]. Krasnodar: Kuban State Agrarian University; 2013. p. 5–13. Russian.
7. Zakirova TV. Sociocultural functions of social simulation. *Theory and Practice of Social Development*. 2015;12:353–356. Russian.
8. Krasavina EV. [Forms of social adaptation: imitation-imitation and imitation-simulacrum]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*. 2012;4:93–103. Russian.
9. Mukhamedzhanova NM. Social imitation: essence and prerequisites of origin. *Manuscript*. 2019;12(10):171–174. Russian. DOI: 1030853/manuscript.2019.10.33.
10. Volkov YuG. *Kreativnost': tvorchestvo protiv imitatsii* [Creativity: creativity against imitation]. Moscow: Alfa-M; 2013. 432 p. Russian.
11. Platov VYa. *Demagogiya – v pomoshch' rukovoditelyu. 120 demagogicheskikh priemov: identifikatsiya, protivodeistvie, ispol'zovanie* [Demagogy – to help the head. 120 demagogic techniques: identification, counteraction, use]. Polievktova EV, editor. Moscow: Ekonomika; 2014. 175 p. Russian.
12. Volkov YuG. *Imitatsionnaya lichnost' v kontekste sotsial'nogo* [Imitative personality in the context of social]. Rostov-on-Don: Antei; 2012. 31 p. Russian.
13. Zakirova TV. *Sotsial'naya imitatsiya kak fenomen sovremennoi kul'tury* [Social imitation as a phenomenon of modern culture] [dissertation abstract]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University; 2015. 19 p. Russian.
14. Levykin IT. [Social deformation]. In: Sokolova GN, editor; Elsukov AN, Shulga KV, compilers. *Sotsiologicheskii slovar'* [Sociological dictionary]. Minsk: Universitetskoe; 1991. p. 223. Russian.
15. Pisarenko IYa, Titarenko LG. [Social inertia]. In: Sokolova GN, editor; Elsukov AN, Shulga KV, compilers. *Sotsiologicheskii slovar'* [Sociological dictionary]. Minsk: Universitetskoe; 1991. p. 226–229. Russian.
16. Shavel SA. [Social activity]. In: Sokolova GN, editor; Elsukov AN, Shulga KV, compilers. *Sotsiologicheskii slovar'* [Sociological dictionary]. Minsk: Universitetskoe; 1991. p. 220–221. Russian.

Статья поступила в редколлегию 10.02.2020.
Received by editorial board 10.02.2020.